

ЯПОНСКИЙ ХРАМ

Ò.Āðēāī ðūāāā

Гробовым молчанием ответил Вималакирти
на вопрос о недуральной Реальности.

Вималакирти нирдеша-сутра

1. Пролог

Как человек видит, так и строит свои храмы. Раз строят по-разному, знают, и видят по-разному. Каждое религиозное учение, несмотря на единство конечной цели (спасение человека, спасение, по сути, от самого себя и тем самым спасение сущего), идет разными путями. Не потому ли, что у каждой религии свое назначение, своя Программа преобразования мира или восстановления изначального порядка? Одним религиям, авраамического толка, дана Истина в Слове Откровения; другим — в неявленном, но угадываемом образе Великого Единого, просвечивающего в каждой былинке. Не потому ли уготованы разные пути, что лишь ставшее, завершённое может быть Единым или Всеединым в соответствии с мировой Энтелехией? Потому изначально разные типы сознания даны разным народам для осуществления общей идеи Храма. И значит, нельзя не задуматься о природе сознания, которое едино и различно одновременно и о котором в западном мире до сих пор преобладает весьма превратное представление. Впрочем, и оно меняется, о чем свидетельствуют, в частности, участвовавшие обращения к «коллективному бессознательному» К.Юнга, к сфере подсознательного и сверхсознания. Это позволяет думать, что есть в сознании нечто неизбывное — в данной работе я определяю его как «Храмовое сознание».

Естественно, и к сознанию приложим закон о двуединой природе сущего: Небесной, где все извечно и едино, и Земной, феноменальной, где все течет и изменяется. Однако в изменчивом пребывает неизменное, меняются лишь поверхностные слои сознания, но не меняется его ядро, структура или меняется чрезвычайно медленно. Само слово «со-знание» предполагает *совместное знание*, включая прошлое—настоящее, субъект—объект. Объектом может быть природа, другой человек, мысль, чувство, что угодно. Поскольку понятие «со-знание» возникло на антропоцентрической основе, где субъект отделился от объекта, это повлекло за собой распад единого, в частности мысли и чувства. «Со-знание» предполагает наличие двух сторон, а также накопление информации, хотя с древности известно, что многознание уму не научает. Сознание функционально, предназначено обустроить этот мир, данный

нам в ощущении. Но сконструированному, иллюзорному миру доступна лишь иллюзорная свобода, ибо за исходное берется субъект, субъективный взгляд на объект, отпавший от Целого, т.е. утративший свою целостную природу. Но и субъект, отпавший от Целого, теряет свою целостную природу, достоверность, пребывая в мире субъективных идей. Общепризнанная когда-то формула «сознание есть субъективный образ объективного мира» не приближала к Истине, а отдаляла от нее, ибо Истина есть Целое. И значит, никакая односторонность, часть или состоящее из частей не ведет к Истине или Храму.

Естественно, возникает вопрос: почему, несмотря на расширение знания, информации, происходило сужение сознания, которое теперь называют «зауженным», «одномерным», «несчастливым» и даже «катастрофическим»? Не в том ли причина, что, говоря словами Аристотеля, «разделили соединенные в одном противоположности», чтобы извлекать из природы то, что нужно сиюминутному человеку? Но человек менее всего знает, что ему в действительности нужно. Или, как говорил Гераклит, «человеку не стало бы лучше, если бы исполнились все его желания».

Итак, во имя каких-то выгод было принесено в жертву Целое. В библейском толковании — в этом суть грехопадения. С этого момента начался процесс прогрессирующего раздвоения (а не «прогресса», как полагали), сокращения сферы сознания. Скажем, специализация, необходимая на каком-то этапе для развития науки, все более отдаляла человека от Бога, от Бытия. Но каково сознание, таков и мир. Дробное, безопорное сознание («волнующиеся *дхармы*» в буддизме) уподобляет себе мир и самого человека. Лишенный опоры, он теряет почву под ногами. Потому и задумались наконец о природе сознания, заподозрив в нем или в псевдосознании причину своих невзгод. Потому обратили взоры к Востоку, не знавшему распада и отчуждения.

Каково же отношение буддизма к тому, что у нас принято называть «сознанием» (буддизм махаяны пришел в Японию в VI в.)?¹ Буддизм уже более двух с половиной тысячелетий сосредоточен на проблеме мысли и воздействия ее на жизнь человека. Как-то Будда в течение первой стражи ночи остановил свой ум на *сансаре* — круговороте жизни и смерти. И так как остановил свой ум, а не подгонял его рассуждениями и анализом, то ему открылся закон причинного возникновения, порождающий все виды привязанностей, или несвободы. Этот закон называется *пратитья самутпада*, и состоит он из 12 *нидан* («звено цепи»). Суть его в том, что одно заблуждение, ложная мысль или стремление вызывает к жизни другое, и так до бесконечности — дурной бесконечности, не ведущей к свободе. Так плетется сеть *майи*, иллюзорного мира: из неведения (*авидьи*) возникают *санскары* (кармические следы), из *санскар* — сознание (*виджняна*), из сознания — имя-форма (*нама-рупа*), из имени и формы — шесть органов чувств (уши, глаза, нос, язык, осязание, ум), из шести органов чувств возникает соприкосновение, из соприкосновения — ощущение, из ощущения — желание, из желания — привязанность, из привязанности — становление, из становления — рождение, за ним следуют старость и смерть, скорбь, стенание, печаль и отчаяние. И все это повторяется от жизни к жизни.

Как видите, сознанию отводится не последняя роль в цепи взаимопорождающих зависимостей, которые превращают человеческую жизнь в *дукху* — страдание, беспокойность, неудовлетворенность (в символике закона причинного возникновения третья *нидана* — сознание изображается в виде обезьяны, срывающей с дерева плоды: не трудится, а пожинает готовое, за что и приходит расплата). Иначе говоря, то, что культивировалось на Западе, не есть истинное, изначальное сознание, а есть его имитация. Истинное сознание, *Мудрость (праджня)*, не имеет причины, приходит само или пробуж-

дается в натруженной душе, а все, имеющее причину, возникающее, подвержено исчезновению, эфемерно. Стоит остановить двенадцатичленное колесо совозникновения, и все исчезнет, ибо иллюзорно, не укоренено в Бытии, а возникает из неведения (*авидьи*). Значит, выход — в очищении сознания от темных очагов, комплексов — *клеш*².

Ложное сознание, затмевая ум, не дает проникнуть Свету, пробудиться изначальному разуму. Потому Будда задался целью очистить сознание, обрекающее человека на зависимость, пробудить изначальную Просветленность (*Бодхи*, отсюда и Будда-Просветленный). В момент Пробуждения ему открылись четыре благородные Истины:

«Вот, о *бхикку* (монахи), Благородная Истина о страдании (*дукха*): рождение — страдание, старость — страдание, болезнь — страдание, смерть — страдание. Соединение с тем, что неприятно, — страдание, разъединение с тем, что приятно, — страдание. Отказ от желанного — страдание... Вот, о *бхикку*, Благородная Истина о возникновении страдания. Это жажда, жажда чувственного, жажда бытия, жажда гибели.

Вот, о *бхикку*, Благородная Истина о прекращении страдания: это полное прекращение жажды через успокоение, непривязанность, освобождение от нее.

Вот, о *бхикку*, Благородная Истина о Пути, который ведет к прекращению страдания. Это Благородный Восьмеричный Путь: правильное понимание, правильное намерение, правильное высказывание, правильные действия, правильный образ жизни, правильная устремленность, правильная память, правильное сосредоточение (*самадхи*)» (Дхамма-чакка-паваттана сутта, 4—8).

На восьмой ступени, когда человек входит в *самадхи*, его ум проясняется, индивидуальное сознание не отличается от единого (яп. *иссин*), исчезает дискурсивное мышление, мир воспринимается сразу в его Таковости, целостности, без названий и чисел, — сознание плавает во Всеобщем³. В момент Просветления приходит высшее видение, Мудрость (*Праджня*), которая едина с Великим Состраданием (*Каруной*), изначально присущим человеческой природе. Значит, гуманизация отношений, жизнь, достойная человека, зависит от восхождения сознания к себе самому.

Просветленному дано видеть истинную суть вещей, а не их внешнюю форму. Потому буддизм предлагает очищать сознание от того, что порождает мир мнимостей, заставляя человека страдать, — от поверхностных слоев сознания, которые вводят человека в заблуждение. Этот Путь по каким-то причинам оставался, за некоторым исключением, закрытым для западного ума, что и подмечено Юнгом: «Сознание в нашем смысле слова считается определенно низшим состоянием, состоянием *авидьи* (затемнения, помрачения), тогда как то, что мы называем „темными задворками сознания“, понимается как высшее сознание. Тем самым наше понятие „коллективного бессознательного“ оказывается как бы европейским эквивалентом *buddhi* — просветленного разума»⁴.

Пусть не совсем так, и «темные задворки сознания» пребывают в *алая-виджняне* — «хранилище сознания», где находятся «семена», как извечные, так и вновь приобретенные, как светлые, так и темные. Это близко тому, что я называю подсознанием, из которого рождаются разные формы, чистые и нечистые мысли. «Сокровищница (или хранилище) сознания» существует вечно и присутствует в каждом живом существе, но ее наполнение зависит, естественно, от образа жизни. Можно, живя праведной жизнью, очищая сознание, «искурить» плохие семена и прийти к Просветлению, если преодолеть эгоцентризм. Собственно, это имеет в виду Юнг, находя в буддизме подтверждение своим наблюдениям психолога, — единую Душу, «все наполняя-

шее собой Дыхание, суетность Будды; она есть Дух Будды (*the Buddha Mind*), Единое, *Дхармакая* (Тело Будды)».

Упрощая, можно выделить в буддизме три уровня сознания: незнание, или затемненное сознание — *авидья*, отсутствие представления об истинных законах Бытия; относительное, конвенциональное знание — *виджняна*; и абсолютное знание (*праджня*) — мудрость, интуиция. Похоже, что западный мир все еще пребывает на втором уровне сознания — *виджняна*, условного, относительного или научного знания со всеми его достоинствами и недостатками — на уровне информации, которая сама по себе не ведет к Спасению. Однако есть признаки того, что разум приближается к целостному мышлению, о необходимости которого рассуждают на протяжении последних десятилетий, называя его «новым мышлением» и связывая с ним дальнейшее существование человечества (достаточно вспомнить Пагуошское движение, Манифест Рассела—Эйнштейна, и хотя мало что изменилось во взглядах людей с тех пор, процесс этот уже необратим).

Вопрос о целостном мышлении действительно стал вопросом жизни и смерти, о чем свидетельствуют не только ученые, но и поэты, радители культуры и контркультуры. «Речь идет о „Третьем сознании“. „Первое сознание“ — первооткрыватели Америки, супермены, индивидуалисты. Его сменило „Второе сознание“ — винтики технократической машины. „Третье“ — новая волна, молодежь с антилинейным мышлением. Самое преступное для нее — убить в себе себя»⁵. С тех пор как А. Вознесенский написал эти строки, прошло более 20 лет, и список переживаемых состояний самопродолжился. Но это было начало бунта. Глашатай контркультуры Т. Росзак в те же годы вынес приговор культуре, порождаемой нечеловеческой цивилизацией с ее «одномерно-плоскостным» видением мира, закрывшим от человека источник духовной жизни, и возлагал надежду на новый тип сознания, способного соединить логику и интуицию, науку и искусство. «Человечество стоит между смертью и трудными родами»⁶. Похоже, угроза смерти миновала, но роды все еще не закончились, лишь громче зазвучала тоска по утраченному Храму.

Что из этого следует? Что западный мир решал свои задачи, но более не может решать их, не проникая в глубины сознания, не переходя от множества к Единому, от части к Целому, ибо никакая часть, ни составленное из частей не ведет к Истине. Приходит время, когда память, или «хранилище сознания», приходит на выручку. Не только припоминают забытое, но начинают следовать ему. «Убеждение в том, что в душе имеются лишь такие восприятия, которые она сознает, является величайшим источником заблуждений»⁷. Но раньше высшее знание было доступно немногим, а заблуждения — многим, и они не уменьшались, пока мировая ситуация не заставила задуматься о грядущей опасности. В 1988 г. вдруг стали появляться статьи на тему «поиска сознания», на ТВ велись «Философские беседы» о сущности сознания. Вспомним, о чем шла речь, прерванная на десятилетие. Тогда еще жив был М. Мамардашвили. Это он говорил о глубоко скрытых структурных пластах сознания, определяющих поведение человека, о задействованности у людей лишь поверхностных слоев сознания, что и приводит к плачевным результатам. Мозг засорен осколками мифологических, классовых идей, которые все еще довлеют над поведением людей. Сознание же — это то, о чем нельзя знать заранее. Предстоит очищение сознания, прорыв к Свободе сквозь цепь причинно-следственных связей, делающих свободу невозможной. Точечная, или «квантовая», структура сознания делает возможным прорыв к истинному знанию. Преображение сознания потребует ломки социальных структур как несоответствующих природе человека.

В.Зинченко продолжил мысль: озарение бессознательно — это высшая форма сознания. По мнению Е.Велихова, мы постоянно поляризуем сознание и сталкиваем стороны; это ложное сознание и порождает конфликтные ситуации. В общем, похоже, все были согласны с мыслью, что интегральный образ мира и есть сознание, но проблема далеко не изучена, и сознание остается тайной, которая ждет своей разгадки, ибо как жить человеку дальше, если он не разобрался в самом себе?

В том же 1988 г. появилась статья Ю.Шрейдера «В поисках сознания»⁸, автор которой не без оснований подчеркивал, что сознание не есть запоминание или подражание (вспомним символ *виджняны* — обезьяну, срывающую плоды с дерева). Сознание есть осмысление, индивидуальное переживание факта, т.е. работа ума, а не «работа смысловых клише, заготовленных впрок, и это последствие есть лишь имитация сознания (и, быть может, весьма искусная), лишь воспроизведение сознательных форм поведения, сознание машиноподобное»⁹. Заинтересовавшись толкованием *дхармы* (буддийского учения, «Закона Будды») как «текста» в интерпретации известного буддолога Д.Мяля, Ю.Шрейдер трактует «пустотность» сознания как незаданность, личное видение Истины — «мысль возникает как отклик на уловленный сознанием призыв реальности».

И опять возвращаюсь к проблеме припоминания: «Нельзя утверждать, что сознание порождает из себя представление; сознание как таковое — чистая форма сознания, а *четана*, так называемая активная сила, направляющая сознание, или творческое воображение, отнюдь не создает *дхармы*, а только группирует их»¹⁰. Это О.Розенберг (1888—1919).

«Природа Будды не знает делений». Не в этом ли причина небывалого интереса к восточным учениям, к буддизму в первую очередь? Можно долго перечислять имена, ученых, всерьез заинтересовавшихся Востоком, начиная с Г.В.Лейбница, — А.Эйнштейн (через Маха знакомится с буддизмом), Н.Бор, К.Циолковский, В.Вернадский. В мире искусства и философии: Т.Манн, Р.Роллан, Дж.Сэлинджер, Г.Малер, А.Матисс, Тейяр де Шарден, Э.Фромм, Г.Гессе¹¹. В России — Л. Толстой, Бунин, Хлебников, Волошин, Гумилев, Скрябин.

«Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (Ин., 3, 8). Дух неожиданно освятил не философию, хотя Сократ пророчил: «Душа, видевшая всего больше, попадет в зародыш будущего философа и любителя красоты» (Федр, 248 Д) — слишком долго был перекрыт кислород, — а физику, правда, ту физику, которая приобщилась к философии. Я имею в виду поворот к целостному мышлению в синергетике, поворот именно мировоззренческий, суть которого в преодолении антропоцентризма, поставившего несовершенного человека на место Бога.

И все пары начали восстанавливаться, начиная с субъекта—объекта: наблюдатель вновь соединяется с наблюдаемым, математика — с нравственным императивом. Это свойство открытой системы, где действуют естественные законы: самоорганизации, нелинейности, необратимости, т.е. те законы Бытия, которые классическая физика, как правило, не принимала во внимание. Притом синергетический подход применим к любой сфере знания, как о том говорит один из виднейших наших синергетиков, создавший школу интегрального знания, — С.Курдюмов: «Синергетические представления, будучи пропущенными через систему личностных смыслов и экспертных знаний ученого, могут эвристически сработать при исследовании научных проблем исключительно широкого спектра — от проблем техники и экологии до самых животрепещущих политических проблем, от изучения работы челове-

ческого мозга до логической реконструкции и прогнозирования развития науки и культуры в целом»¹².

Похоже, сама наука, ущемленная прежде в свободе, что неизбежно в закрытых системах, начинает возвращаться в лоно Бытия, исследуя его законы, а не навязывая ему свои. Но была этому повороту сознания от закрытости к открытости и причина нравственного порядка. Процесс объективации, особенно обострившийся в последние века, превратил в объект самого человека, которым манипулировали в угоду государственной машине или хозяйственным планам. На пределе крайности сходятся: объект стал над субъектом, машина над человеком, как бы сводя с ним счеты. История каждый раз порождает своего «могильщика», одушевленного или неодушевленного. Но все, что противоречит Божьему Промыслу, или идее Храма, рано или поздно сходит со сцены. Важно не упустить момент, не «идти наперекор» движению Духа. Как у Гегеля: восхождение духа от бессознательной целокупности, через раздвоение к воссоединению через самосознание: «дух можно назвать соответственно его истине, вечным, как равным образом совершенно блаженным и святым. Ведь святым может быть названо только то, что разумно и знает о разумном».

Почему я на этом заостряю внимание? Потому что Свободу, или Спасение все еще ищут там, где их не может быть, — в мире несвободного мышления или вне Храма. Но без духовного, без идеи Храма, «идеи» в платоновском смысле, которая извечна, дана во спасение и пребывает в высшей сфере сознания (или, по-другому, в сфере сверхсознания), некуда дальше двигаться. На старте третьего тысячелетия в самый раз осознать, какой уготован путь человечеству. И разве то, что идея Храма оказалась одним из самых устойчивых архетипов, не свидетельствует о ее всеобщности? Храмовое сознание не может исчезнуть, но может уйти в подполье, в подсознание, как в России, разрушившей в наваждении собственные храмы. Но стремление возродить разрушенное, искупить самую тяжкую вину перед предками не говорит ли о возрождении храмового сознания в нашем отечестве?

Сколь разные формы ни принимал образ Храма в разные времена, в разном пространстве, идея Храма не только не исчезла со временем, но заострилась на исходе XX в. как идея, призванная вывести человечество к Земле обетованной, как бы различно ее ни называли разные народы. То, что изначально заложено в сознании, — извечно, а извечное не может не сбыться. Человечеству назначено освободиться от сетей *майи*, иллюзорных представлений, которые оно усердно плело на протяжении своей истории. Тем более что плело не напрасно, как утверждают мудрые люди. «Придет день, — уверяет Ламартин, — когда, взирая на другую сторону ткани, человечество узрит картину дивную и величавую, вытканную на протяжении веков его собственными руками... В этот день человечество преклонится перед Провидением, проявляющим себя в нем самом»¹³. И не раз упомянут этот «день»: «Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся. Вдруг, во мгновение ока...» (I Кор., 15, 51).

Все тайное, говорят, со временем становится явным, а для кого и не со временем. Есть такие, что во все времена видели обратную сторону «ткани», как Апостол Павел, говоривший о «небе небес». Там пребывают существа духовные, и «свойственно этим существам видение и знание не от части и не по частям... но целостное и всеобъемлющее, в ясном явлении *лицом к лицу*, всегда одинаковое, полное и совершенное, без всякой изменяемости времен» (Блаженный Августин, «Исповедь», XII, 13).

Дошла эта вера и до нашего времени, зазвучала в России в мрачные времена предчувствия беды и осознания ее иллюзорности, как у Вл. Соловьева в

его «Духовных основах жизни» (1882—1884): «На темной основе разлада и хаоса невидимая сила выводит светлые нити всеобщей жизни и сглаживает разрозненные черты вселенной в стройные образы. Мир не пустое слово; есть в мире смысл, и он всюду проглядывает и пробивается сквозь одержавшее его бессмыслие... Смысл мира есть всеединство».

Ну а Будда скажет в Лotosовой сутре: «Изначально все *дхармы* спасены»¹⁴. Сквозь пелену *майи* пробивается Великое Солнце — Свет будды Махавайрочаны, который разгонит тьму.

2. Храм Японии

Итак, разные пути ведут к одному, говорят мудрецы древности: чтобы приблизиться к конечной цели, узреть Единое, нужно выстроить разные храмы, ведущие к Единому с разных сторон. Попробую взглянуть под этим углом зрения на рождение японского Храма. Естественно, начну с Синто — Пути богов-*ками*. Можно сказать, это и есть Путь японцев, пронизывающий каждую фибру их души. Синто настолько глубоко проникло в сознание японцев, что его не могли потеснить пришедшие с материка учения: буддизм, даосизм, конфуцианство, а позже и христианство. Будучи буддистом или конфуцианцем, или тем и другим одновременно, японец оставался синтоистом, ибо в Синто «душа Японии» (*Ямато дамасий*), поле, освященное предками. Укоренялось в этом поле то, что было для него благотворно. Японцы были открыты иным культурам, не боялись раствориться в них, надеясь на охранную силу богов.

Правда, уже в IX в. наиболее дальновидные предостерегали соотечественников от чрезмерного увлечения всем китайским и напоминали, что для японца важнее. А важнее — японская душа, без нее не будут процветать ни земля, ни культура предков. Китайские мудрецы заслуживают почтения, но в том случае, если не противоречат японской душе или заветам предков. А потому нельзя забывать порядок «*вакон — кансай*»: сначала японская душа (*вакон*), а потом китайские знания (*кансай*). И это правило действовало вплоть до XX в., хотя и изменился адресат: «*вакон — ёсай*»: сначала японская душа (мораль, культура, все освященное традицией), потом — европейская наука (*ёсай*). И это правило, естественно, оправдало себя. По крайней мере, и современным японцам не чужда мысль, высказанная несколько веков назад: «Синто — корень и ствол, конфуцианство — ветви и листья, буддизм — цветы и плоды». Раз так, нельзя их менять местами. А в «Записях годов Энги» («Энгисики», 927 г.) сказано, что Синто — это «светлое, чистое, честное и искреннее сердце». Так можно ли пренебречь им?

Буддизм махаяны мог легко прижиться в Японии, потому что местные боги этому не препятствовали, а скорее содействовали союзу *рёбу синто* (букв. «две стороны едины», т.е. Синто не знает раздвоения). И шесть веков спустя, столь же естественно буддизм Дзэн прижился на японской почве, как будто вернулся к себе домой, ибо нигде ему не было так вольготно, как в Японии. Иначе не расцвели бы так полюбившиеся миру дзэнские искусства: чайная церемония, *икэбана*, поэзия *хайку*, живопись тушью (*суйбокуга*), сады камней — как знаменитый Рёандзи в Киото. Не потому ли дзэнские искусства возымели такую силу, что воплотили дух Гармонии, который смог уравновесить непримиримый поначалу нрав самураев-воинов, привив им вкус к национальной морали, к самурайскому «кодексу чести» — *бусидо* («Путь воина»)? И не по этой ли причине западный мир потянулся к Дзэн, в надежде обрести спокойствие и уравновешенность, созерцая предметы, а не алкая их?

Еще до того, как появились первые синтоистские храмы, такие, как великое святилище богини Солнца Аматаэрасу — Исэ дзингу, японцы уже знали, что существуют небесные и земные боги, что Храм пребывает в невидимой сфере. Все воплощает богов-ками, и достаточно облюбовать какое-то место или предмет, оградить его веревкой из соломы (*симэнава*), чтобы вызвать ощущение присутствия божества и поклоняться ему как Храму. Когда Храм внутри, в душе, нет такой потребности созерцать его извне. Наверное, храмы стали интенсивно строить тогда, когда стала убывать вера. А может быть, чтобы не угасала имманентная человеческой душе идея Храма: явленный в материале храм (у японцев по преимуществу в дереве) служил священным воплощением Храма, ибо мирские дела отвлекали от Небесного Пути. Но когда японцы стали строить храмы, они привнесли в них свои черты, свою любовь к Природе; и до сих пор поклоняются дереву, водоему, камню как воплощенному божеству.

Но не тому «камню», который ставят в основание храма. Сам камень и есть Храм, где обитает божество (в древности, как убеждают «Энгисики», камни умели говорить, т.е. были живыми). В этом своеобразии синтоистского мироощущения: одно принципиально не может стоять над другим, ибо все божественно, всюду обитают *ками*. И это несмотря на естественную иерархию синтоистских богов, небесных и земных, и главную роль в судьбе Японии богини Солнца Аматаэрасу. Однако не она ли повелела своему внуку Ниниги управлять Японскими островами и вручила три священных предмета, регалии императорской власти: яшмовые подвески, меч и зеркало, которое до сих пор хранится в Исэ дзингу?

В каком-то смысле эти святыни предопределили характер японцев: зеркало — символ правдивости, искренности; меч, «секущий травы», предназначен отсекать все ложное, а яшма олицетворяет благородство души, чистоту помыслов. И не дал ли богине Аматаэрасу ее прямой потомок император Дзимму (VII в. до н. э.) клятву распространить излучаемый ею Свет на всю Поднебесную, «собрав восемь углов под одной крышей» (*хакко итцу*)? Об этом повествует священный для японцев текст «Нихонги» («Анналы Японии», 720 г.), появившийся вслед за главным синтоистским сводом «Кодзики» («Записи о делах древности», 712 г.).

Древнее название Японии звучало как «Великая Гармония» — *Ямато*. И это не противоречит настойчивому напоминанию о Верхе и Низе, которые, как Небо и Земля, не могут поменяться местами. Об этом напоминает и один из мудрейших правителей древности Сётоку Тайси в своей «Конституции из 17 статей» (604 г.): «Государь — Небо, подданные — Земля. Если Земля пожелает стать над Небом, то все рухнет». Так оно и есть: если Верх и Низ меняются местами, скажем, Ум и Творчество не наверху, как предназначено, а внизу, то наступает всеобщий разлад. Естественно, ибо все существует благодаря правильной связи Неба и Земли, циркуляции земной и небесной энергии. Потому Сётоку Тайси и начал свою «Конституцию» с понятия «Гармонии» (*ва*): «Чтите Гармонию (*ва*) и не действуйте наперекор».

Это правило распространялось в последующие века не только на человеческие отношения, но и на отношение человека к Природе и ко всему, что он делает своими руками. Гармония становится законом жизни и искусства — кодовым понятием японской культуры в целом. Но это Гармония особого типа, не пропорциональность, упорядоченность, устойчивость, что у нас принято понимать под Гармонией со времен древних греков: Гармония такова, какова картина или модель мира, структурировавшая сознание. У японцев Гармония соответствует ритму движения, это процесс, колебание которого задано жизнью Природы и чувствами человека, — живое дыхание, пульсация в

соответствии со сменой времен года, дня и ночи; соединение одной души-*ко-коро* с другой, скажем, мастера и того, что он хочет передать в материале. Это неустойчивое равновесие и создает устойчивость процесса, где все самоестественно идет к завершению благодаря единству внутреннего и внешнего.

Предпочтение чему-то одному означало бы остановку того, что безостановочно, нарушило бы естественный порядок вещей. Этим традиционное мышление японцев принципиально отличается от взглядов древних греков, которые брали за основу какое-то одно «начало», будь то вода Фалеса, огонь Гераклита или число Пифагора. Исключение составляет апейрон Анаксимандра, но это то исключение, которое подтверждает правило. А правило заключалось во «властвовании» одного над другим. В центре волей-неволей оказался «богоравный человек» (Сапфо), который счел себя демиургом, распорядителем, предлагая миру свои представления о нем.

Спору нет, без этого предпочтения чего-то одного, без разделения сущего на субъект и объект и подчинения объекта субъекту не появилась бы и греческая наука, из которой родилась европейская, и греческое искусство, восторгающее нас и поныне. Но не появился бы и узаконенный принцип властвования одного над другим, обусловивший тип поведения и ход истории западных стран, вышедших из греческого лона (достаточно вспомнить одно лишь высказывание Аристотеля: «Ведь властвование и подчинение не только необходимы, но и полезны, и прямо от рождения некоторые существа различаются, одни как бы предназначены к подчинению, другие — к властвованию... Это общий закон природы... и в предметах неодушевленных, например в музыкальной гармонии, можно подметить некий принцип властвования» — Политика XI, 2). Даже христианство с его идеей небесного Храма не вполне смогло изменить заданную греками парадигму: «одного», противопоставленного другому.

Естественно, уподобления «части» не избежал и сам человек, нарушив закон Целого, став частью самого себя, хотя и объявил себя венцом творения, центром Вселенной:

Я — части часть, которая была
Когда-то всем и свет произвела.
Свет этот — порожденье тьмы ночной
И отнял место у нее самой.
Он с ней не сладит, как бы ни хотел.
Его удел — поверхность твердых тел.

(Гете. Фауст. Пер. Б.Пастернака)

Таков неизбежный исход антропоцентризма, поставившего человека на место Храма. Когда человек начал поклоняться самому себе как «мере вещей», тогда вещи, потерявшие истинную меру, восстали против него. Может быть, не совсем правы те, кто слишком заостряет отрицательные стороны современной цивилизации, называя ее «техногенной», т.е. бесчеловечной: без нее не было бы полноты жизни. Дело в самом сознании, которое на каждом этапе истории создает нового «могильщика». Предзаданность двух путей — единства и раздвоения — прозревала мистическая мысль Н.Бердяева: «Нарушаются все твердые грани бытия, все декристаллизуется, расплавывается, расплывается... К новой жизни, к новому творчеству, к новому искусству прорываются те гностики нового типа, которые знают тайну цельности и тайну раздвоения»¹⁵. То есть оба пути, и сохранивший целостность, и прошедший через распад, были необходимы, как необходима функциональная асимметрия для существования Целого на любом уровне. Речь может идти лишь о

правильном сочетании сторон, а не о их противодействии: принимать половину за целое, значит, обрекать его на саморазрушение.

Япония не прибегала ни к метафизике, ни к аналитике, ни к диалектике, не выделяла одно и не противопоставляла его другому, а потому избегла отчуждения. Избегла и антропоцентризма. Потому нет разговора об изоморфности человека и Храма. Для нее вся Природа — Храм. Не человек ведет за собой, а Путь богов, но человек может следовать ему: жить в согласии с богами, значит, жить в радости и довольстве. Все непостоянно в этой жизни, то появляется, то исчезает, подобно волне, но человек общается с миром богов по невидимой вертикальной оси, соединяющей Землю и Небо. Небесные боги время от времени спускаются на землю, и нет непроходимых границ между ками и людьми.

«Видимый и невидимый миры навсегда соединены бесчисленными узлами взаимной необходимости, — писал японист Е. Спальвин, — и ни одно отношение этого союза не может быть нарушено без самых ужасных последствий... Есть люди, верили японцы, которые одновременно являются богами. К ним относятся те, которых почитают пусть даже не по всей стране, а в пределах отдельной провинции, деревни, семьи. Большинство богов „века богов“ — это люди того времени. Поскольку люди тогда были богами, то эти времена, и зовутся „веком богов“».

Еще не было храмов и пагод, но уже появилась идея Храма, прозвучавшая в первой *танке* бога ветра Сусаноо, родного брата богини Аматаэрасу. За провинность он был сослан на землю, где спас девицу и женился на ней, а на радостях пропел:

Якумо тацу	Восемь облаков встают.
Идзумо яэгаки	В Идзумо — восемь ярусов
Цума гоми-ни	Возвожу для любезной жены,
Яэгаки цукуру	Тянутся градою ввысь
Соно яэгаки-о.	Восемь ярусов дворца!

Здесь вся поэтика *танки*: и метрический закон — чередование пяти- и семисложных слов (5-7-5-7-7, всего 31), — рождающий внутренний, пружинный ритм, и чувство восторга (*аварэ*), и восхождение ввысь от Земли к Небу. Здесь же сквозной для японской культуры иероглиф *касанэру* (в сочетании «восьмиярусный»). Сам иероглиф олицетворяет вертикальную ось, пронзая семь параллельных черт и как бы знаменуя переход от Земли через Солнце к Небу. Можно сказать, что эта изначальная Форма, запечатлевшая видение древних японцев, стала кодовой для японской культуры. Можно обнаружить ее и в храмовой архитектуре, и в строении пятиярусных и семиярусных пагод, и даже в расположении японской азбуки *кана*, появившейся в IX в., чтобы уравновесить жесткий «мужской стиль» иероглифики мягкостью, гибкостью ее «женских» знаков (достаточно сказать, что повести Хэйана, олицетворявшие «женский стиль» в литературе, такие, как знаменитая «Повесть о Гэндзи» Мурасаки Сикибу, написаны японской азбукой).

Обнаружим ту же вертикаль в формах японской поэзии, не только в *танке* (что переводится у нас пятистишием), но и в сжатой Вселенной трехстиший — *хайку*. Даже в построении повестей-*моногатари*, где отсутствуют «главы», линейная, сюжетная связь одного с другим, а есть *даны* — «ступени», ведущие самоестественно к чему-то невидимому, но истинно-сущему, о чем человеку не дано знать. И повсюду — асимметрия, ибо симметрия останавливает движение, возводит рамки, которых не знает Природа: все симметричное, чего по два, одновременно асимметрично. И в знаменитом театре Но — *пятидановая* композиция. А в пьесах Но — *ёкёку* — плетение сю-

жетов из разных кусков старинной ткани, — потому и называется стиль «парча из лоскутов» (*цудзурэ нисики*).

Естественно, этому следуют не нарочито, всеобъемлющая структура заложена в подсознании, или в *алая виджняне*, и проявляет себя спонтанно, то в одном, то в другом виде искусства. По крайней мере, когда давным-давно, почти уж тридцать лет назад, я обратила на это внимание в статье «Читая Кавабата Ясунари», японцы были несколько озадачены. Большой знаток японской классики Т.Мурамацу, влюбленный в русскую литературу, перевел мою статью на японский и просил прокомментировать ее японских профессоров¹⁶. Один из них, Д.Исида, был приятно поражен тем, что русский автор вникает в такие вещи, на которые сами японцы не обращали внимания. Для них это было привычно, само собой разумеющееся, а для меня неожиданно.

Речь шла о Нобелевской речи Я.Кавабаты, название которой известный переводчик с японского Эд.Зейденстикер перевел как «Япония, прекрасная и я» (*Japan, The Beautiful, and Myself*). Меня поразило, насколько перевод может исказить смысл сказанного. Для традиционно мыслящего японца, превыше всего ставившего «Гэндзи-моногатари», невозможно было выделить собственное «Я». Поэтому Кавабата вычеркнул союз «и» и вставил в заголовок сакральную для японцев частицу *но*, напоминающую виток спирали, соединяющей все между собой, образуя тот тип связи, который позволяет не распадаться множеству, сохранить его внутреннее единство. Речь называется «Уцукусий Нихон-но ватакуси» (*уцукусий* — прекрасная, *Нихон* — Япония, *ватакуси* — я, но «я», которое не само по себе, а соединено с остальным витком спирали). Смысл заголовка — прекрасная Япония во мне или — я потому и сделал что-то заслуживающее внимания, что во мне живет Красота Японии. Поэтому я и перевела название речи: «Красотой Японии рожденный».

Это относится и к структурообразующему глаголу *касанэру* (букв.: класть одно поверх другого), о котором Кавабата напоминает в связи со стихами Догэна «Изначальный образ»:

Цветы — весной.
Кукушка — летом.
Осенью — луна.
Чистый и холодный снег —
Зимой.

«Обычные образы, обыкновенные слова, незамысловато, даже подчеркнута просто поставлены рядом. Но, восходя одно над другим (*касанэру*), они передают сокровенную суть Японии». Разве это не заставляет задуматься: в чем же эта «сокровенная суть»? Американский же переводчик перевел: «Обычные слова соединены вместе» — в соответствии с линейным, дискурсивным мышлением (*The commonest of words are strung together*). Глагол «to string» — «связывать», «нанизывать», существительное «string» — «веревка», «нитка». Но это противоположно тому, что хотел сказать Кавабата, начиная свою речь с «Изначального образа» Догэна. Почему обычные, казалось бы, образы четырех времен года названы «Изначальным образом» и почему Кавабата увидел в них сокровенную суть Японии, или извечный Храм? Не потому ли, что это символы мировосприятия? В видении японцев отсутствует сплошная линия, линейная связь. В нелинейном, открытом мире каждое слово обретает свободу: неповторимо, самоестественно, завершено, полно само по себе. Потому и не нуждается в эпитете, определении, которое свидетельствовало бы о неполноте «Изначального образа». Потому минимум слов, не нарушающих строй *танки*, 5-7-5-7-7, который тоже священен. Пе-

режить Истину «вне слов» (*гэнгай*), — такова цель поэзии Дзэн, выросшей из классической.

Это явствует из слов самого Кавабаты, раскрывшего в своей речи душу Японии. «Особенность японского искусства можно передать одной поэтической фразой: „Никогда так не думаешь о друге, как глядя на снег, луну или цветы“. Когда любишь красоту снега или красотой луны, когда потрясен красотой четырех времен года и испытываешь благодать от встречи с Прекрасным, тогда особенно тоскуешь о друге — хочется разделить с ним радость. Словом, созерцание Красоты пробуждает сильнейшее чувство сострадания и любви, и тогда „человек“ звучит как „друг“».

Поистине, какова душа Японии, таков и Храм, и каков Храм, такова и душа народа. И в законах искусства не могут не отразиться ее черты, готовность к отклику, что в художественной поэтике называется словом *коо*, ибо только живое, то, что способно откликаться, способно жить и давать жить другому. Этому подчинена поэтика: свободному, волнообразному движению (*харан*), эху, «призыву-отклику» (*коо*) и резкому переходу от плавного движения (*като*) к «внезапной ломке» (*тондза*). Так спокойное течение реки вдруг переходит в вихрь водопада. И опять наступает тишина, спокойное течение «последних волн» (*ёха*).

В духе «последних волн» — кармических следствий написаны последние 10 глав «Гэндзи». Вся же повесть напоминает стиль *эмакимоно* — вертикальных свитков. «По своей структуре, — замечает М. Уэда, — это собрание многочисленных эпизодов с красочными описаниями, яркими образами, мгновенными зарисовками. В нем отсутствует сюжет в современном понимании»¹⁷. И действительно, отсутствует, потому что важнее показать не переплетение событий и характеров, а все само по себе, что показалось интересным, необычным — от костюма до манеры поведения людей. Главное — передать Красоту явления, которую во времена Мурасаки понимали как то, что вызывает восторг, — очарование (*аварэ*), которое в каждом явлении, в каждой женщине свое, неповторимое. Потому вместо сюжетной линии (завязка, кульминация, развязка) — соподчинение частей. Все хорошо как есть, а не потому, что что-то доказывает. Все само по себе единичное — уникальное выражение Единого, или, как говорят дзэн-буддисты, «одно во всем и все в одном».

Такой взгляд на сущее определил законы композиции. В популярном жанре *рэнга* (нанизанные строфы) — своеобразной поэтической цепи — участвуют разные поэты. К верхней строфе (*хокку* — 5-7-5) присоединяют нижнюю строфу *танки* (*агэку* 7-7), чтобы вместе, входя друг в друга, образовали *танку* на заданную тему. Каждая *танка* самостоятельна, живет своей жизнью, не забывая о другой, продолжает начатую тему, стараясь придать ей еще больше изящества, таков закон *кокородзукэ* — «союза сердец».

О Храмовом сознании свидетельствуют не только храмовые постройки, священные тексты, ритуальное действо, но сам дух национальной культуры, идеал прекрасного. Все преходящее и непреходящее в этом мире, все видимо и невидимо. Законом поэзии становится *ёдзё*, что можно перевести как «сверхчувство» — то, что завершит читатель, получив намек, лишь импульс для работы души. Стихи, в которых все сказано, считались плохой поэзией или вообще не поэзией, ибо задача поэта дать пережить невообразимое, но истинно-сущее выразить иносказательно. Потому японскую культуру можно назвать культурой подтекста или развернутой метафорой, которая, впрочем, может быть очень краткой, почти бессловесной. Идеалом становится красота мимолетного, исчезающего на глазах: явленное лишь намек на неявленное и вечное. Красота эфемерного, как цветы сакуры: опадают, не успев пережить полноту цветения. Это чувство *мудзё-но би* («красоты непостоянного») не ис-

чезло за прошедшие века, вошло в японскую душу. Об этом хорошо сказал писатель Д.Танидзаки: «В одной нашей старинной песне говорится: „Набери ветвей, заплети, завей — вырастет шатер. Расплети — опять будет пустовать лишь степной простор“. Слова эти хорошо характеризуют наше мышление: мы считаем, что красота заключена не в самих вещах, а в комбинации вещей, плетущей узор светотени»¹⁸.

Это чувство — не останавливаться на чем-то одном, не привязываться к тому, что мешает ощущать божество, — было знакомо японцам еще до того, как пришел буддизм. Об этом говорят совсем древние стихи, включенные в антологию «Манъёсю»¹⁹. И все же не потому ли возлюбили красоту исчезающую, что она помогает пережить Красоту извечную, или Красоту Небытия (*Му-но би*), как называл ее знаменитый актер, драматург и критик Сэами (1363—1443)? Актер проходит девять ступеней совершенства, прежде чем пережить *ёдзё* — то, что за чувством [трактат «Девять ступеней» (*Кюи*)]. Каждая ступень характеризуется своим образом: шестая с которой начинается постижение высшего совершенства, — это «Весенний туман в лучах заходящего солнца. Алеют горы»; седьмая — «Снег в серебряной чаше» (созданное руками мало чем отличается от рожденного Природой); восьмая — «Снег на вершинах. Лишь одна не белеет среди других»; последняя, девятая ступень (пик мастерства) — Тайный Цветок, когда пропадают границы пространства-времени, можно «в полночь увидеть, как ярко светит солнце в Силла (Корее)». Это значит, что актер передал Красоту Небытия, или Красоту извечную, которая открывается взору в момент Просветления. «Актер, владеющий стилем Тайного Цветка, заставляет нас пережить мир высшей реальности, лежащий за пределами наших обычных ощущений. Это сфера Вечности, бессмертия души», — комментирует М.Уэда²⁰.

Конечная цель дзэнского Пути в искусстве — пережить Озарение (*Самори*), когда все вдруг становится ясным, озаренным Светом. Первый философ XX в. К.Нисида (1870—1945), пройдя школу Гегеля и Канта, Гуссерля и Бергсона, остался верен Дзэн: «Не скрыто ли в основе восточной культуры стремление видеть форму бесформенного, слышать голос беззвучного? Наша душа постоянно стремится к этому»²¹. Он посвящал статьи Красоте Небытия. Таким образом, устремленность в инобытие, к небесным богам, не исчезла за прошедшие века, ибо присуща национальной душе. «Без Неизменного нет Основы. Без Изменчивого нет обновления» — так Басё определил закон искусства и человеческой жизни. И не его ли *хайку* позволяют услышать в одном звуке высшее Безмолвие?!

Фуруикэ я.
Кавадзу тобикому.
Мидзу-но ото.

Старый пруд.
Прыгнула лягушка.
Звук воды.

Еще до знакомства с буддизмом японцы знали, что Истина — за видимыми вещами, но, следуя им, познаешь Путь богов. Все приходит и уходит, кроме души вещей (*кокоро*) и души Японии, которые и есть Неизменное, Основа сущего. Даже небесные боги время от времени спускались на землю, чтобы обновиться. Как свидетельствует знаток японской старины Г.Светлов, «верованиям древних японцев было присуще представление о том, что божество, постоянно обитающее на небе, лишь раз в год в определенный день спускается на землю, где происходит его новое рождение. Акт ежегодного возрождения божества назывался *миарэ* („божественное рождение“ или „божественное явление“). Обряд *миарэ* и по сей день отправляется в одном из синтоистских святилищ Киото — Камо дзиндзя»²².

Каждые 20 лет перестраивается храм Исэ дзингу: только меняющееся, обновляющееся может быть Неизменным, лишь созвучное ритму Вселенной вечно и незаблемо. Потому и столицу принято было переносить, знаменуя обновление эпохи²³. Какова эпоха — такова и столица, и здесь действовал закон Соответствия, или Гармонии, — *Ва*. Возможно, это как-то связано с обрядом Великого Очищения (*Охараи*), с которого началась жизнь Японских островов. Бог Идзанаги (Чарующий) последовал за умершей супругой в страну Мрака — Ёми-но куни, но в ужасе бежал и, чтобы очиститься от скверны, совершил обряд омовения, Великого Очищения, т.е. культ чистоты, которым славится Япония, — божественного происхождения.

Закон Неизменного в Изменчивом (*Фуэки-рюко*) предопределил путь японского искусства. Истина-Искренность (*Макото*) или Красота (*Би*), что для японцев одно и то же, — Неизменное. Разные формы их проявления — Изменчивое. Но одного нет без другого. Во времена Хэйана Красота принимает лик *аварэ* — восторга перед «очарованием вещей» (*моно-но аварэ*). При этом под «вещью» понимают все сущее, как явленное взору, так и скрытое, — душу, богов-ками.

Мирные времена Хэйана, когда искусство изящного достигло высшей точки, сменила эпоха самурайских битв за право первенства во власти. Появилось ощущение неисповедимости, непредсказуемости грядущего. Красота уходит в глубины сознания или в подсознание, откуда ее можно вызвать только искусственным приемом или сверхтехникой, скажем, театра Но. Это красота глубоко скрытого сияния — *юэн*.

Потом опять наступают мирные времена, появляются торговые города, набирает силу городская культура. Горожане чтят древность (какой японец не знает культа прошлого и культа предков), но в том, что они сочиняют, сквозит самоирония. Они и сами нередко вводят словечко *нисэ* («как бы»), имитируя древних героев, а «бренный мир» (*укиё*) становится предметом их вожделений. В литературе это «рассказы о бренном мире» (*укиё-дзоси*), достаточно вспомнить С.Ихару — о любовных похождениях мужчин и женщин, а в живописи — знаменитые *укиё-э*, «картины бренного мира» в веселых кварталах или на оживленных трактах, покорившие в XIX в. французов. И все полшутя, кроме величия Природы в гравюрах Хиросигэ или Хокусая. Тем не менее преобладает шутивная интонация, культура смеха — *окаси*.

Но неизменна поэтическая душа — словно небесные боги, вездесуща и всемогуща поэзия, как о том с восторгом поведал Ки-но Цураюки в Предисловии к антологии «Кокинсю», появившейся полвека спустя после «Манъёсю» (905 г.): «Песни Ямато! Вы вырастаете из одного семени — сердца (*кокуро*) и превращаетесь в мириады лепестков речи — в мириады слов.

Люди, что живут в этом мире, погружены в густые заросли суетных дел; и все, что наполняет их сердца, они высказывают в связи с тем, что они слышат и что они видят.

И когда слышится голос соловья, поющего среди цветов свои песни, или голос лягушки, живущей в воде, кажется: что же из всего, что живет на земле, не поет собственной песни?

Без всяких усилий движет она небом и землей, пленяет даже богов и демонов, незримых нашему глазу, утончает союз мужчин и женщин, смягчает сердца суровых воинов... Такова песня» (пер. А.Глускиной).

И трудно было бы понять, почему мысли Цураюки продолжали звучать на протяжении веков, если не принимать во внимание, что значило «слово» для японцев. Я уж не говорю о «душе слов» (*кото-дама*), которую нельзя зря тревожить или досаждать ей, я говорю о неизменном принципе Искренности, который не позволял аллегорически изображать то, что принадлежит богам.

Так что слова Цураюки надо понимать почти буквально. А чувство того, что все вырастает из «одного семени — сердца», не только не исчезло со временем, но даже обострилось. Сэами говорит о десяти стилях пьес в театре Но, и у каждого свое сердце — *кокоро*, без «сердца» нет жизни и нет пьесы, будь то «торжественно-праздничные» (*сюэн-но кокоро*), или «божественные» (*дзинги-но кокоро*), или «о непостоянстве» (*мудзё-но кокоро*) либо об «одержимых любовью» (*рэмбо-но кокоро*). Наконец, пьесы, пробуждающие чувство таинственно-прекрасного (*югэн-но кокоро*).

Что уж говорить о поэзии!

Как сказать —
В чем сердца
Суть?
Шум сосны
На сумизэ²⁴.

Это дзэнский поэт С. Иккю (1394—1481).

Или знаменитая *танка* не менее знаменитого ученого Н.Мотоори (1730—1801):

Если спросят:
«В чем душа (*кокоро*)
Островов Японии?» —
В аромате горных вишен
На заре.

3. Буддийский храм

Буддийские храмы в большом количестве строили в Японии еще со времен Сётоку Тайси. Наиболее известные из них — храмовый комплекс Хорюдзи в Наре, задуманный самим Сётоку, или знаменитый храм Тодайдзи (VIII в.), одно из самых величественных сооружений с огромной статуей будды Махавайрочаны (яп. Дайнити Нёрай — будда Великое Солнце). Г.Светлов пишет о последнем: «9 апреля 752 года при большом стечении народа, в присутствии императорской четы состоялась церемония освящения Большого Будды. Такие церемонии называется *кайгэн куё* — „служба по случаю открытия глаз“, поскольку в ходе церемонии рисуют глаза статуе... Свыше 10 тысяч монахов из всех храмов Хэйдзё читали сутры, исполнялись придворные танцы *бугаку*, звучала придворная музыка *гагаку*. Такого торжества императорская столица не видела никогда, ни до, ни после за всю свою 74-летнюю историю»²⁵.

Когда в XII в. храм сгорел, весь народ собирал средства на его восстановление. Собственно, нет такого места в Японии, где не было бы своего буддийского храма. Древнюю столицу Киото (бывший Хэйан) можно назвать городом храмов, больших и не очень, прославленных и почти неизвестных. Стоит завернуть за угол какой-нибудь улочки, и увидишь в тени небольшого сада храм. Это неожиданные встречи, приглядишься и обязательно увидишь что-то необычное. В мою задачу не входит описание буддийской архитектуры — о ней достаточно написано, да я и не знаток, но попытаюсь сказать о Храмовом сознании японских буддистов. Не было бы Храмового сознания, не была бы японская земля так богата храмовыми постройками.

Неудивительно, что японцам пришелся по душе буддизм Сингон, основанный Кукаем (посмертное имя — Кобо Дайси, т.е. Великий Учитель Кобо, 774—835). Можно сказать, что это второй, после Сётоку Тайси, национальный гений или национальный герой Японии, если иметь в виду под «геро-

ем» человека высокой образованности. Кукай прославился как ученый, составивший первый толковый словарь японского языка, как каллиграф и поэт. Ему приписывают изобретение японской азбуки. Свое образование он завершил в Китае. Наставник Хуэйго (яп. Кэйка) передал ему недостающую Сутру об Алмазной вершине и сокровенное знание, «тайное учение» (*миккё*), или Сингон (истинные слова Будды — *мантры*), для распространения в Японии с тем, чтобы на земле царил мир и люди благоденствовали. Вернувшись в Японию, Кукай построил храм на горе Коя, а в 822 г. один из павильонов Тодайзи отвели для проповеди буддизма Сингон. На территории Тодайзи Кукай открыл школу для обучения грамоте детей простолюдинов.

Кукай, разумеется, не мог бы считаться человеком высокой культуры, если бы не чтил предков, синтоистские корни. Он верил, что, следуя Пути богов, становись буддой и что познать природу Будды можно лишь средствами искусства, а не словесными прениями, ухищрениями ума. И синтоистские служители приобщали к Пути богов не столько словом, сколько зрелищем — обрядовым действием, разыгрывая перед храмами священные танцы *кагура*.

Кукай обосновал свою веру в таких трудах, как «Сокровенное зеркало словесности» или «Глаза и сердце начертанных знаков». Согласно Сингон, Истина постигается «тремя таинствами»: таинством тела, таинством звука и таинством мысли. «Светлые звуки» (*сёмё*) сутр способны приобщить к духу Великого Солнца, будды Махавайрочаны. Этому же служат аромат благовоний, трепетное состояние души в одиноких скитаниях по горам, шум водопада, пение птиц. Лишь три таинства (*мантра* — звук, *мудра* — жест, сплетение пальцев и *самадхи* — всепроникающая мысль) способны дать выход Просветлению (*Хонгаку*), которое заложено в каждом. Сокровенное учение настолько глубоко и трудно для непосвященных, что его невозможно выразить в слове, признает Кукай, но можно передать в образах *мандалы*. Все, что на ней изображено, — позы святых, сплетенные пальцы рук, — все это навеяно любовью Будды. Истинные слова или мысли Будды можно передать лишь средствами искусства, а совершенное искусство и есть Просветление.

Собственно, все уже существует в невидимом мире Дхармакая (вселенское «тело Будды»), все языки пришли оттуда, все образы, уловленные мастерами. Кукай верил в изначальность, несотворенность Звука и Буквы (вера в несотворенность сущего характерна для буддизма). Заметьте, не смысл, Логос, изначален, а Звук и Образ. Значит, через них постигается Изначальное, путь к Истине. Но этот звук должен быть безупречен, красив, ибо именно Красота, согласно Кукаю, воплощает Будду. Сам акт Творчества есть трансляция языка будды Махавайрочаны.

Можно сказать, что в буддизме Сингон черты японской души обрели более наглядный, но и закодированный характер. Поэтому понять буддизм Сингон, не зная основ Синто, вряд ли возможно. Кукай привел в систему спонтанные чувства и своим учением о «Шести Великих» расставил все на свои места. «Шесть Великих» (*Рокудай*) переводят обычно как «шесть элементов» (хотя буквально «великих семян» — *махабхут*). Слово «элемент», обозначая составную часть чего-то, вряд ли годится для буддийской системы мышления, где нет понятия «части», ибо всякая «часть» есть целое, уменьшенный образ Целого — микромир. Лишь при полноте, завершенности отдельного возможно Целое, ибо целостна природа сущего. Эта идея становится особенно актуальной в наше время. Собственно, этим можно объяснить все еще неутоленный интерес, который величайшие умы XX в. проявляли к буддизму, хотя традиционная для буддизма связь одного с другим, не последовательная, а одновременная, с трудом давалась европейско-

му уму. Всякая попытка приложить к буддийской системе понятие иного происхождения препятствует пониманию.

Так и в случае «Шести Великих» — эманаций будды Махавайрочаны, или энергии Солнца. Это земля, вода, огонь, воздух, пространство, сознание (*сикки*). Они изначальны, извечны, нераздельны и неслиянны, присутствуют друг в друге, но не смешиваются. Они составляют «тело Дхармы», т.е. неуничтожимы. При этом сознание присутствует в остальных пяти. То есть всему — воде, земле, огню, воздуху, пространству и производному от них — присуще сознание. Оно живет в деревьях, в травах, в песке, в минералах, в человеческих деяниях — в письме, зрелищах, поэзии — во всем проявляется Космическое участие, которому повинуются чуткое ухо мастера. «Великое Сознание, — говорит Кукай, — порождает все другие виды сознания». Оно воплощает совершенную Мудрость будды Махавайрочаны, потому и изображается в виде белого круга: белый цвет содержит все остальные цвета в непроявленном виде, а круг олицетворяет полноту непроявленного мира. Кажется, что пять из шести — вещественны, но и они пронизаны духом, и они недвойственны (*фуни*): «Плоть есть сознание, и сознание есть плоть».

Характер вещи зависит от того, чего в ней больше: огня, воды, воздуха (что называется «темпераментом»). Великое Сознание присутствует во всем, но в разной степени, и может оставаться непробужденным. Если сознание по каким-то причинам уходит, то вечное превращается во временное, разумное — в стихию. «Если ум-сердце (*читта*) нечисто, то и все нечисто», — сказано в Вималакирти-сутре. А автор знаменитых «Записок от скуки» Кэнко-хоси (1283—1352) скажет: вода не бывает грязной, грязным бывает только сосуд. Неудивительна поэтому мысль Кукая, что понять природу сознания и значит пережить Просветление.

Ему, сознанию, Кукай посвятил свой основной труд — «Дзюдзюсин-рон» (букв. «Десять обиталищ сердца-разума»). Он пишет о следующих ступенях сознания:

1. Сознание невежественного человека, не знающего морали, подчиняющегося инстинктам. Образ барана.
2. Сознание тех, кто придерживается конфуцианской морали или десяти заповедей буддизма (не убивать, не красть, не прелюбодействовать, не лгать, не сквернословить, не клеветать, не лицемерить, не завидовать, не впадать в гнев не следовать ложным взглядам). Образ доверчивого ребенка, полагающегося на мнения других.
3. Сознание вставших на путь даосизма. Образ отчаянного подростка, пренебрегающего этим миром, чтобы стать небожителем.
4. Сознание *шраваки* («слушающих голос») — полагающихся на помощь извне, скажем, будды Амида, который дал клятву спасти всех верующих в него и повторяющих его имя.
5. Сознание *пратьекабудд* — идущих к Спасению самостоятельно, веря в свои собственные способности преодолеть зависимость от закона причинного возникновения (*пратитья самутпада*), искурить дурные «семена» из *алая виджняны* (характерно для Дзэн, который, как и амидаизм, утвердился в Японии два века спустя, но, как всякий гений, Кукай видел дальше).
6. Сознание тех, кто следует Махаяне, кто движим состраданием ко всем существам.
7. Сознание тех, кто осознал Пустотность (Шуньяту) сущего: «ничто не рождается и не исчезает».
8. Сознание тех, кто осознал, что все Пути суть единый Путь — Срединный.

9. Сознание тех, кто осознал единую природу Будды: единичное не имеет своей собственной природы, но отражает в себе суть всех остальных (образ Аватамсака-сутры: мир — как сеть из драгоценных камней, сияющих на восходе солнца, притом каждая драгоценность отражает остальные).

10. Сознание исповедующих Сингон, Истинные слова Будды, которые «бессловесны». Человек ощущает единство с буддой Великое Солнце, и его сознание (*сики*) и сердце (*кокоро*) становятся нераздельны.

Нельзя сказать, что Кукай противопоставляет одно другому, это не свойственно буддийскому пониманию, но лишь одно из сознаний он считает высшим, «тайным» — Сингон, остальные девять — «явные». Достичь десятой ступени сознания, когда оно становится Духом, можно, только освоив «три изначальных таинства» (*хонну саммицу*). Это триединство голоса (звука), тела (рук) и мысли, успокоенной в *самадхи*.

«Тайное», потому что «явное» не ведет к Истине, как уже знали почитатели *ками*, — на Истину можно только намекнуть, выразить ее иносказательно. Потому *мантры* похожи на заклинания, но заклинания высшего порядка. Здесь главное не смысл произнесенного, а вибрация голоса, звуковые переходы и полнота, насыщенность каждого звука, участвующего во всеобщем многоголосии. Звук становится живым и воздействует сильнее слов. Один цвет, один звук, один знак содержат все цвета, все звуки, все знаки. Говорят, что «через один звук можно стать Буддой», но это тот самый звук, который изначален, извечен. И в сутрах ищут не столько смысл, сколько ритм, очищающий сознание, «светлые звуки» (*сёмё*) изначального Света.

Мудра — сакральные жесты, сплетение пальцев левой и правой руки. Левая рука символизирует «мир чрева», пассивный аспект Бытия — женское начало, сострадание, Луну. Правая — «мир алмаза», динамичный аспект, Мудрость, Солнце. Каждый палец, начиная с мизинца, означает Пять Великих: землю, воду, огонь, воздух, пространство, а также пять звуков, пять букв санскритского алфавита, пять цветов, символизирующих пять будд-*татхагат* (белый — Вайрочана, красный — Амиабха, желтый — Ратнасамбхава, синий — Акшобхья, зеленый — Амогхасиддхи). Все остальные бесчисленные божеества — эманация «пяти будд», а пять будд — эманация Махавайрочаны. Четыре будды олицетворяют четыре стороны света, Вайрочана — центр. Когда сплетаются пальцы в одну из *мудр*, то соединяется в определенном порядке все, что им соответствует, — запускается «колесо Дхармы».

Третье таинство — мысли, медитация, в процессе которой происходит визуализация «почитаемого», какого-то из будд или бодхисаттв. Но прежде чем решиться на эту встречу с «избранником», человек совершает Великое очищение (*Охарай*) не только души и тела, но и того места, где должна состояться Встреча. Известно, что Кукай в ожидании встречи с «почитаемым» очистил полностью гору Коя, где и построил первый сингонский храм²⁶.

Очищение убирает преграды между верующим и буддой Махавайрочаной: будда входит в человека, и все сущее преображается. Светоносная энергия Солнца — разумна, духовна (что для Кукай одно и то же). Все, чему она дает жизнь, ведет к истинному Бытию. Великое Солнце развеет тьму, лишь на время облака невежества закрывают его.

Большой знаток религий М. Анэсаки говорит: все, будь то демоны или мудрецы, есть проявление будды Махавайрочаны. Его тело объемлет весь космос, состоящий из шести элементов: земли, воды, огня, воздуха, пространства и сознания. Человеческая речь и письмо есть трансляция космического языка, как и всякий закон, действующий в мире, всякая идея, мысль, осеняющая человека, есть отражение идеи, мысли, содержащихся в космической душе. Тело, речь и мысли Махавайрочаны организуют всю жизнь во Вселенной, как в

целом, так и в отдельных ее проявлениях. Цель ритуалов Сингон дать пробудиться этой жизненной силе в теле, речи и мыслях каждого²⁷.

Кукай в комментарии к «Махавайрочана сутре» называет Дайнити Нёрай «всеобъемлющим Светом, изгоняющим тьму» (*дзэан хэммё*). Этот Свет извечен, не рождается и потому не может исчезнуть. «Сквозь безначальный мрак просвечивает столь же безначальный свет „Великого Солнца“ (*Дайнити*) будды Вайрочаны (первый будда). Мрак будет им поглощен»²⁸. Мрак — это *авидья*, затемненное сознание, усугубляющее волнение *дхарм*. *Авидья* безначальна, но конечна, ибо существуют неволнующиеся *дхармы* и всем *дхармам* присуще стремление к Покою: «Вечный покой — это цель, к которой стремится каждая *дхарма*, каждый индивидуальный истинно-сущий субстрат. Ибо в каждом субстрате содержатся и те *дхармы*, которые являются путем к покою, т.е. чистая мудрость (*праджня*), различающая суетное от несуетного»²⁹.

В основе буддийских построений, в основе их Храмового сознания лежит мандала (*манда* на санскрите буквально — сущность, *ла* — знак завершенности, круга). Смысл ее насколько глубок, настолько неисчерпаем. *Мандала* присутствует и в храмовой архитектуре, запечатлена на потолке, на полу; в самой композиции храма заложен определенный тип *мандалы*. Она и на ткани свитков, которые вывешивают с двух сторон алтаря. Точнее, она повсюду: истинно храмовое сознание воспринимает все как *мандалу* — шифр высшей сущности. Запечатленная в красках или в камне *мандала* — чаще всего круг (символ Неба), вписанный в квадрат (символ Земли), в который, в свою очередь, входит круг, знаменующий небесную потенцию Земли. Внешний круг объемлет всю Вселенную, внутренний — мир божеств. В центре будда Махавайрочана, а может быть, гора Меру, или Полярная звезда, окруженная боже-ствами планет. Но все они — эманация верховного Будды.

Мандалы настолько всеобъемлющи, что их называют «энциклопедией» буддийских и добуддийских образов, расположенных в иерархическом («ярусном») порядке (архетип *касанэру*). В целом это зашифрованная жизнь видимого, но главным образом невидимого мира, тот порядок, который существует изначально, не может быть описан человеческим языком, но может быть явлен в суперсимволе. Задача — мистическим путем дать представление о Целом, избегая разделения на части, ибо «часть» — всегда неправда. Целое недоступно дискурсивному уму, потому буддисты прибегают к языку символа, позволяющему передать бытие и покой Вселенной. Это и образы будд и бодхисаттв, и цветовая гамма, и графика, и буддийская атрибутика — *ваджра*, музыкальные инструменты небесных дев или драгоценные камни. У каждого свой потаенный смысл, постигаемый в парадоксе, — высшая форма концентрации смысла бессмысленна, как «бессловесны» слова Будды. На *мандале* медитирует практикующий, чтобы, пропустив через себя периферийные круги с множеством лиц и священных предметов, достичь центра, где находится «основной почитаемый» (*хондзон*) и общаться с ним с глазу на глаз.

В Сингон культивируется парная *мандала*, каждая передает суть соответствующей сутры — Сутры о Великом Солнце и Сутры об Алмазной вершине. Обе считаются основными в Сингон. Первая, Сутра Махавайрочана, олицетворяет «мудрость всех мудростей», — это динамичный аспект Вселенной, всепорождающая энергия Солнца. Вторая вводит в йогическую практику, в состояние покоя, сосредоточенности и олицетворяется Луной, лунным диском. Обе сутры дополняют друг друга, как мужское и женское космические начала. Им соответствуют две *мандалы*: первая — «мир чрева», вторая — «мир алмаза».

«Мир чрева» рождает все сущее, в «чреве» Махавайрочаны хранится и Просветленное Сознание, и Пять Великих *махабхут*, и Великое Сострадание

(санскр. *Махакаруна*, яп. *Дайхи*), которое никого не минует и каждого приведет к Спасению. Махавайрочана расположен в центре красного восьмилепесткового лотоса, на каждом из лепестков четыре будды и четыре бодхисаттвы. Лотос символизирует чистоту, красный цвет — Сострадание. Все вместе они олицетворяют «всеобъемлющее единое сознание» (*иссай иссики*), или высшее, десятое сознание, по Кукаю.

Вторая *мандала* («мир алмаза») воплощает совершенную Мудрость Махавайрочаны, которая пока проявлена лишь буддами и бодхисаттвами, но в людях еще дремлет. Символы этой *мандалы* — алмаз и лунный диск, все «почитаемые» расположились на лунных дисках, отражая лунное сияние Махавайрочаны. В *мандале* девять квадратов, по три на каждом уровне, в каждый квадрат вписан круг. Одни из «почитаемых» ушли в *самадхи*, другие играют на музыкальных инструментах, третьи посвящают в Учение Будды. Махавайрочана восседает в центре на белом лотосе, который символизирует покой, непроявленный аспект Вселенной, отцовское начало, в отличие от первой *мандалы* — материнской. Обе *мандалы*, как и обе сутры, исповедуемые Сингон, «недвойственны» (*рёбу фуни*), отражая два аспекта единого Бытия: то, что пребывает в Покое, в непроявленном виде, и то, что пребывает в движении, в проявленном виде.

Главная мысль Кукая — недвойственность сущего: если одно отделить от другого, нарушится весь порядок вещей. Нет мудрости без сострадания и нет сострадания без мудрости — это две стороны Одного. В самом деле, сострадание без мудрости превращается в свою противоположность (добрыми намерениями вымощен путь в ад). И Кукай не устает напоминать: «Сострадание и мудрость недвойственны» (*хити фуни*). Все внутренне сопряжено, одна сторона не ведет к Целому, лишь две стороны, приходя во взаимодействие, могут пульсировать, т.е. жить. Можно сказать, что конкретизируется, углубляется тот самый закон гармоничного, пульсирующего Равновесия (*Ва*), который лежал у истоков японской мысли.

Рёбу фуни у нас переводят по инерции как «две части недвойственны», но «части» нет, есть Целое на разных уровнях: *рё* — «обе», *бу* скорее «доля», «сторона». Скажем, важнейшая мысль, труднодоступная дискурсивному мышлению: Мудрость (*пруджня*) и Метод (*упая*) недвойственны, т.е. средство и цель, форма и содержание едины. Лишь человеческое невежество сталкивает одно с другим, разнимая то, что соединил Бог. Разделяя, создают искусственные преграды, порождающие войны и насилие, сеют смуту и хаос, когда невозможно что-либо разглядеть, не то что изначальный Свет. Но буддисты, как и христиане, не устают повторять, что этот Свет — внутри, в душе человека и не может исчезнуть. Нужно лишь успокоиться, не создавать искусственные *дхармы*, и тучи невежества рассеются.

В осознании единства, недуральной модели мира, непротиворечивой природы сущего — одно из достижений буддийской мысли. Это и есть признак Храмового сознания — идея Единого, но в буддизме она не подвергалась сомнению на протяжении двух с половиной тысячелетий. Мысль не может развиваться в ущерб чувству, чувство — в ущерб мысли, тело не может развиваться вне души, душа — вне тела. Земля не может существовать без Неба, Небо — без Земли.

Можно сказать, это и есть учение о Целом (я не говорю «философия Целого», потому что восточные учения — не «любовь к мудрости», а «пребывание в мудрости», хотя любовь, если она истинна, и есть мудрость). Девиз Кукая: «То, что кажется двумя, не есть два (*дзини фуни*)», т.е. всякая пара есть целое. И лишь при осознании целостности отдельного, преодолении закона противоречия или при несуществовании одного за счет другого возможно це-

лостное мышление, без которого жизнь становится проблематичной. На нашем языке это называется «Храмовым сознанием», поисками которого занята не только мыслящая часть человечества, — это было и раньше, — но нравственно пробужденная.

Мысли Кукая вошли в сферу Неизменного, или в Основу японской жизни. До сих пор в храм Хорюдзи, в Наре, где витает его дух, не прекращается паломничество. Мне посчастливилось побывать в этом удивительном месте, истоке «тайного учения»³⁰.

Примечания

¹ *Махаяна* («Великая колесница»), — северный буддизм, распространен в Японии, Китае, Коре, Монголии, Тибете.

² *Клеши* (яп. *бонно*) — делятся на «коренные» и «производные». К первым относятся зависть, невежество, высокомерие, сомнения. От них проистекают производные: глупость, леность, скаредность, суетность.

³ Как свидетельство единства сознания можно к случаю вспомнить Платона: «Бытие... находится в движении в силу своего страдания, которое, как мы говорим, не могло бы возникнуть в покое» («Софист», 248e).

⁴ *К.Г.Юнг*. Сознание и бессознательное. СПб.—М., 1997, с.512.

⁵ *А.Вознесенский*. Взгляд. М., 1972, с. 85.

⁶ *J.Rozzak*. Where the Wasteland ends? N.Y., 1972, p. XVII.

⁷ *Г.В.Лейбниц*. Новые опыты о человеческом разуме. М.—Л., 1936, с. 106.

⁸ *Ю.Шрейдер*. В поисках сознания. — Знание-сила. 1988, № 11.

⁹ Там же.

¹⁰ *О.Розенберг*. Труды по буддизму. М., 1991, с. 169.

¹¹ Много у Гессе высказываний о Востоке, вся «Игра в бисер» пронизана им, приведу лишь одно: «Возвратиться к вселенной, отказаться от мучительной обособленности; стать богом — это значит так расширить свою душу, чтобы она снова могла объять вселенную... Этим путем шел Будда, им шел каждый великий человек» (*Г.Гессе*. Избранное. М., 1977, с. 258).

¹² *Е.Князева, С.Курдюмов*. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1994, с. 5.

¹³ Цит. по: Э.Шюре. Великие посвященные. СПб., 1910, с. 17.

¹⁴ Наконец вышел и у нас перевод «Лотосовой сутры». Знаток буддизма А.Игнатович отдал ему немало своих жизненных сил и донес до нас жизнеутверждающий дух этой сутры.

¹⁵ *Н.Бердяев*. Кризис искусства. М., 1918, с. 9.

¹⁶ Для меня тогда было очень важно, что в Японии перевели статью, опубликованную в журнале «Иностранная литература» (1971, № 8), вызвавшую у нас немало шума, и японские ученые (Д.Исида, И.Кобаяси и Т.Канэока) с большой доброжелательностью откликнулись на нее. Перевод и отзывы были опубликованы в нескольких номерах журнала «Тоё» (1973, № 4-7).

¹⁷ *M.Ueda*. Literary and Art Theories in Japan. Cleveland, 1967, p. 29.

¹⁸ *Д.Танидзаки*. Похвала тени. — Лик Японии. Переводы и эссе М.Григорьева. М., 1997, с. 314.

¹⁹ См.: Манъёсю (Собрание мириад листьев). Пер. А.Глускиной. Т.1-3. М., 1971-1972.

²⁰ *M.Ueda*. Op. cit., p. 67.

²¹ Эти слова упомянуты в предисловии к переводу на японский «Даодэцзина» Лао-цзы [Тюгоку котэн сэн (Сочинения китайской классики). Т. 6. Токио, 1968, с. 1].

²² *Г.Светлов*. Путь богов. М., 1985, с. 17.

²³ Судите сами, название эпохи соответствует названию столицы: Асука (552-645), Нара (645-794), Хэйан (794-1185), Камакура (1185-1333), Муромати (1333-1573), Эдо (1614-1868). После реставрации Мэйдзи, «открытия дверей» эпохи называют именем императора, призванного олицетворять ее дух. Скажем, Мэйдзи (1868-1912) — «Просвещенное правление»; Тайсё (1912-1926) — «Великий порядок»; Сёва (1926-1989) — «Светлая гармония» и нынешнее — Хэйсэй (с 1989 г.) — «Становление мира».

²⁴ Дзэнская живопись тушью на тонкой рисовой бумаге.

²⁵ *Г.Светлов*. Колыбель японской цивилизации. М., 1994, с. 112. Автор приводит слова из военной эпопеи «Повесть о доме Тайра», которые позволяют судить, что значил для японцев То-дайди: «...Некогда император Сёму собственноручно начертил августейшей кистью: „Пока процветает мой храм, будет процветать и страна; придет в упадок мой храм — погибеть ждет и страна!“» (с. 113).

²⁶ В Японии нередко избирают «почитаемым» популярного будду Фудо-мёо. Когда-то Дайинити Нёрай послал его в ад спасать души противников буддизма. Полыхающий за его спиной огонь — это адский огонь, предназначенный грешникам. Его обгоревшее тело — результат «искупительного мученичества будды», давшего клятву не уходить в Нирвану, пока страдают другие. В

правой руке Фудо-мёо держит меч, отсекающий пороки, в левой — лассо, чтобы вылавливать грешников. На землю он явился в образе раба, чтобы избавить людей от рабской природы. Поэтому наш современник Учитель Э.Икэгути предпочел из разных видов подвижничества ритуал *го-махо* — возжигание очищающего огня и довел количество возжигаемых дощечек до миллиона. Он и сам признается, что выбрал этот вид подвижничества, ибо оно позволяет выразить Великое Сострадание Фудо-мёо.

²⁷ *M. Anesaki*. History of Japanese Religion. L., 1930, p. 125.

²⁸ *О. Розенберг*. Цит. соч., с. 35.

²⁹ Там же, с. 192.

³⁰ Подробнее о буддизме Сингон и переводы трактатов Кукая можно прочесть в книге «Буддизм в Японии». М., 1993.

Окончание следует